
12+
КЭТРИН УАЙ
ХЭСПЭЙСО

Кэтрин Уай

Хэспэйсо

«Издательские решения»

Уай К.

Хэспэйсо / К. Уай — «Издательские решения»,

В мире, где красота стала правом сильных, а люди разделены на касты, как скот на бойне, прах низших удобряет сады высших. Память о мёртвых не поощряется. Хэспэйсо из третьей касты, учится в серой форме, умеет шить и знает, как пахнут руки её матери — мылом и тмином. Когда мать устраняют, у Хэспэйсо остаётся только урна с прахом, которую ей не спешат отдавать. Но Хэспэйсо не собирается сдаваться. Одна ночь, одно депо с тысячами составов — и одно лицо, которое она не должна была видеть.

© Уай К.
© Издательские решения

Содержание

ХЭСПЭЙСО 6
Глава 1. Соль и пепел 6
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Хэспэйсо

Кэтрин Уай

Дизайнер обложки Кэтрин Уай

© Кэтрин Уай, 2026
© Кэтрин Уай, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-6269-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ХЭСПЭЙСО

Глава 1. Соль и пепел

Воздух в крематории был густым и сладким — пахло не горелым, а приторными цветами, которыми Люциды любили окутывать смерть. Этот запах забивался в нос, в горло, в каждую складку одежды, въедался в кожу, заглушая всё живое. Он не имел ничего общего с запахом матери.

Мать пахла иначе. Хэспэйсо зажмурилась на секунду, пытаясь удержать это воспоминание, пока его не выжгло хлоркой и лилиями. Мыло. Простое, хозяйственное мыло, которым она стирала их вещи, чтобы они были чище, чем у соседей. И тмин. Теплый, горьковатый, домашний — она добавляла его в похлебку, когда выдавался счастливый день и в котелке было хоть что-то, кроме воды. У мамы были мягкие руки. Шершавые на ладонях от работы, но мягкие в хвате, когда она гладила Хэспэйсо по голове, провожая в школу. И глаза… усталые. Всегда усталые, даже когда она пыталась улыбаться.

Мать устранили сегодня утром.

Хэспэйсо заставила себя открыть глаза и посмотреть на ровную, холодную стойку регистратуры из полированного камня. Рядом стояла Лисса. Подруга не касалась её, но Хэспэйсо чувствовала её присутствие — горячее, живое, надёжное. Лисса пришла только потому, что одной идти в такое место было нельзя. «По правилам приличия», — как говорили в их школе.

Они пришли почти под вечер. Солнце уже клонилось к закату, отбрасывая длинные тени от высоченных, зеркальных шпилей Люцидов, нависающих над городом. Час был выбран не случайно. Хэспэйсо ненавидела эту «благотворительную деятельность», которую в школе называли «Развитием эмпатии». На самом деле это была повинность: дети низших каст должны были посещать места скорби «высших», учиться сопереживать тем, кому повезло больше, и на практике познавать ничтожность собственного существования. Сегодня её «эмпатия» была не нужна, но школьный пропуск позволял находиться здесь в неурочное время, не опасаясь патрулей.

— Хэспэйсо?

Регистраторша даже не подняла головы. Существо было человекоподобным, но слишком правильным. Кожа — безупречный фарфор, волосы — струящийся металл. Одна из низших служащих Люцидов, но даже она смотрела на девочку сквозь стойку, как на пустое место.

— Я за прахом своей матери, — голос Хэспэйсо прозвучал сухо. Она сама удивилась, как ровно он лег в этом спертом воздухе. Где-то глубоко внутри всё кричало, рвалось наружу, билось в истерике, но лицо оставалось неподвижным. Отстраненным. Так было безопаснее. Так её учили в школе. Так жили все люди в их касте. Эмоции — роскошь, доступная лишь Люцидам.

— Имя устранённой, — поправилась служащая, но в этой поправке не было ни капли уважения.

— Агата Роу. Южный сектор, улица Пекарей, двадцать три.

Пальцы служащей, унизанные тонкими кольцами с камнями, которые Хэспэйсо никогда не сможет купить, застучали по гладкой панели. Тишина затягивалась. Лисса чуть сжала пальцы в кулаки, но промолчала.

— Запись подтверждена, — наконец изрекла регистраторша. Она подняла свои огромные, чуть раскосые глаза — в них не было зрачков, только глубокая голубизна, как у некоторых Люцидов. — Подождите.

Она поднялась и исчезла за тяжёлой бархатной портьерой цвета запёкшейся крови. Хэспэйсо перевела дыхание. Лисса осторожно коснулась её локтя.

— Ты как?

Хэспэйсо не ответила. Она смотрела на портьеру и думала о матери. О её мягких руках. О запахе тмина. О том, как вчера мать поцеловала её на ночь и сказала: «Всё будет хорошо, маленькая». Врала ли она? Знала ли, что сегодня придут?

Портьера колыхнулась. Регистраторша вернулась, неся в руках небольшую урну из матового серого металла. Дешёвый сплав. Для низших каст — всегда самое дешёвое. Хэспэйсо показалось, что сердце сейчас проломит рёбра.

— Получите, — служащая поставила урну на стойку. — Инвентарный номер 114-А. Биоматериал категории «Г».

Хэспэйсо смотрела на урну. Мать поместилась в эту маленькую банку. Всё, что от неё осталось — горсть серого пепла, который даже не пахнет тмином.

Она протянула руки. Пальцы дрогнули, коснувшись холодного металла. Урна была тяжелее, чем она думала. Или это просто руки ослабли?

— Распишитесь, — регистраторша подвинула планшет. — Тремя подписями. Подтверждение получения, согласие на утилизацию остатков, отказ от претензий к качеству процедуры.

Хэспэйсо взяла стилус. Расписалась. Раз. Второй. Третий. Каждая подпись — как гвоздь в крышку гроба, которого у матери не было.

— Можете быть свободны, — служащая уже потеряла к ним интерес, листая что-то на своём экране. — И советую поторопиться. Через сорок минут комендантский час. Патрули Люцидов не делают скидок на скорбь.

Хэспэйсо прижала урну к груди. Металл холодил даже сквозь ткань школьной формы.

— Пошли, — коротко бросила она Лиссе.

Они вышли из крематория. Вечерний воздух ударил в лицо — свежий, холодный, без примеси сладкой вони смерти. Солнце почти село, небо наливалось густой синевой, и где-то вдалеке уже зажигались первые огни в белоснежных теплицах на холме. Город Люцидов красовался где-то наверху. Хэспэйсо никогда там не была — только смотрела снизу вверх, запрокидывая голову до хруста в шее, когда случайно оказывалась в тех районах, откуда были видны зеркальные шпили. Они парили в облаках, эти шпили, отражая солнце так, что слепило глаза. Говорили, что улицы там моют ароматизированной водой три раза в день, что воздух пахнет цветами, которые цветут круглый год, и что Люциды никогда не спускаются вниз. Им это просто не нужно. У них есть всё наверху.

Там же были Горние Сады, где росли орхидеи для Люцидов — невероятно красивые, выведенные в лабораториях, пахнущие синтетической сладостью. Удобренные теми, кто был недостаточно хорош, чтобы жить.

Хэспэйсо остановилась. Посмотрела на урну в своих руках. Мать не стала удобрением для их дурацких цветов. Мать была здесь. С ней.

И тут её прорвало.

Она не заплакала — слёз не было. Но плечи затряслись, и из горла вырвался звук, похожий на хриплый, надорванный кашель. Тело согнулось, прижимая урну к животу, защищая её, словно кто-то мог сейчас вырвать этот серый металл из рук.

— Хэспэйсо! — Лисса метнулась к ней, обхватила за плечи, вглядываясь в лицо. — Ты чего? Тихо, тихо…

— Она пахла тмином, — выдохнула Хэспэйсо в плечо подруги. — Понимаешь? Тмином. А теперь… что теперь от неё пахнет? Ничем. Просто ничем.

Лисса молча гладила её по спине. Крепко, как умеют гладить только те, кто сам боится однажды оказаться на месте того, кого утешают.

— Пойдём, — тихо сказала Лисса, когда дрожь начала стихать. — Пойдём домой. Ты должна её… вы должны быть дома. Вместе.

Хэспэйсо выпрямилась. Вытерла лицо — сухое, хоть и мокрое от дыхания. Посмотрела на холм с теплицами, где цвели орхидеи, и впервые в жизни позволила себе не отвести взгляд, а задержать. Дольше, чем следовало. Дольше, чем разрешено тем, кто носит серую форму и дешёвую обувь.

— Да, — сказала она, убирая урну в рюкзак. — Пойдём.

Здесь, внизу, было иначе.

Метро встречало привычной вонью — сыростью, металлом, дешевым табаком и еще чем-то кислым, что никто не мог опознать, но все знали: это запах их жизни. Плитка на стенах местами отвалилась, обнажая черные провалы, и никто не спешил её чинить. Потолки были низкими, давили на плечи, и лампы мигали через раз, создавая впечатление, что ты спускаешься не в метро, а в преисподнюю.

Лисса уверенно вела их к платформе. Она всегда знала, куда идти, даже в таких местах. Хэспэйсо плелась следом, механически переставляя ноги. В одной руке она сжимала ручку рюкзака — старого, потертого, с выцветшей нашивкой школы. Рюкзак был тяжелым. Не от учебников. От урны, которая лежала внутри, замотанная в старую кофту, чтобы не звенела и не привлекала внимания.

Мать была там. В рюкзаке. Замотанная в кофту, которую сама же и связала прошлой зимой.

От этой мысли Хэспэйсо становилось дурно, но она заставляла себя идти. Нельзя останавливаться. Нельзя думать. Если начнешь думать — упадешь и не встанешь.

— Стой, — Лисса вдруг схватила её за локоть, останавливая перед турникетами. — Твой пропуск.

Хэспэйсо моргнула, выныривая из оцепенения. Точно. Пропуск. Она порылась в карманах, нащупала пластиковую карточку с выцветшей фотографией и приложила к считывателю. Механизм пискнул, загорелся зеленым, турникет щелкнул, пропуская.

Третья каста.

Хэспэйсо родилась в третьей. Не самой низкой, но и не той, где люди еще могли позволить себе мечтать. Третья — это ремесленники, продавцы, младшие служащие. Те, кто работает руками, но не грязными. Те, у кого есть крыша над головой и еда в тарелке, но никогда не бывает лишнего. Мать всю жизнь проработала швеей на фабрике — строчила форму для таких же, как они, и форму для тех, кто выше. Её руки пахли мылом, потому что после смены она оттирала их до крови, чтобы смыть фабричную грязь. И тмином — потому что тмин был дешевым и грел желудок, когда в похлебке не было мяса.

Теперь этих рук нет. Они стали пеплом. Пепел — в рюкзаке, замотанный в кофту.

Лисса прошла следом, приложив свой пропуск. Вторая каста. Её семья была чуть выше — отец работал смотрителем в каком-то архиве, мать числилась в мелких чиновницах. Они могли позволить себе лишнюю пару обуви раз в год и мясо по праздникам. Лисса носила форму чуть лучшего качества и не знала, каково это — штопать одну и ту же дыру на колготках третий раз за неделю.

Но Лисса была хорошей. Лучшей. Она не смотрела на Хэспэйсо сверху вниз, не тыкала кастой, не делала вид, что они не знакомы, когда рядом были «правильные» люди. Она просто была рядом. Сейчас — особенно.

Они спустились на платформу.

Народу было немного — комендантский час гнал всех по домам, и даже те, кто обычно задерживался в дешевых забегаловках, сейчас торопились к своим серым бетонным коробкам, чтобы не нарваться на патруль. Хэспэйсо смотрела на табло, где разноцветными полосами загорались номера прибывающих поездов.

Белый — для Люцидов.

Эти поезда здесь никогда не останавливались. Они проносились мимо на огромной скорости, бесшумные, как призраки, сверкающие свежей краской и полировкой. Хэспэйсо видела такой однажды, когда по ошибке зашла не на ту платформу. Поезд промчался так близко, что у нее заложило уши, а в лицо ударил поток теплого, пахнущего чем-то невероятно дорогим воздуха — ваниль, сандал, еще что-то, чему она не знала названия. Стекла были затемнены, но она успела заметить силуэты. Плавные, красивые, одетые в такие ткани, какие в их секторе не купишь за год зарплаты. Люциды даже не смотрели в окна. Им было плевать на тех, кто остался на платформе.

Голубой — для первой касты. Высшие среди людей. Врачи, управленцы, те, кто имел право разговаривать с Люцидами, не опуская глаз. Их поезда останавливались редко и ненадолго.

Зеленый — для второй. Каста Лиссы. Чиновники, смотрители, учителя с опытом. Приличные люди, как говорила мать Хэспэйсо. Те, кто еще мог надеяться, что их дети поднимутся выше.

Желтый — для третьей. Для Хэспэйсо. Ремесленники, торговцы, швеи. Её поезда ходили чаще, но вагоны были старее, сиденья протерты до дыр, а пол покрыт липкой грязью, которую никто не убирал.

Красный — для четвертой. Разнорабочие, уборщики, мусорщики. Те, чьи руки всегда грязны, чья одежда пахнет потом и отчаянием. Их поезда пахли соответственно.

Черный — для пятой. Отбросов. Тех, кто жил в подземных норах, кого Люциды терпели только потому, что даже им нужна была прислуга, готовая чистить выгребные ямы за миску баланды. Поезда пятой касты ходили редко и никогда не пересекались с другими. Говорили, что внутри там даже сидений нет — просто клетки. Чтобы не расползались по вагонам, как тараканы.

Табло мигнуло. По платформе пронесся гул — приближался поезд.

Сначала Хэспэйсо увидела свет. Яркий, белый, режущий глаза. Сердце на секунду замерло — неужели Люциды? Но нет. Свет погас, и через секунду к платформе подкатил состав с желтыми полосами на боках. Её поезд.

Двери открылись с противным шипением, выпуская поток людей. Те, кто успел проскочить до комендантского, вываливались наружу, расталкивая друг друга локтями. Хэспэйсо и Лиссу вжали в толпу, протащили внутрь, и через мгновение они уже стояли в проходе, вцепившись в поручни.

Вагон был набит битком. Третья каста возвращалась с работы — уставшая, злая, голодная. Кто-то жевал дешевый пирожок, распространяя запах капусты и лука. Кто-то дремал, прислонившись к стеклу. Кто-то тихо переругивался из-за того, что ему наступили на ногу.

Хэспэйсо вжалась в угол у двери, прижимая рюкзак к груди. Рюкзак, в котором лежала мать. Кофта, которой она была замотана, казалась сейчас единственным теплым, что осталось у Хэспэйсо в этой жизни.

— Долго ехать, — сказала Лисса, пробиваясь к ней поближе. — Три остановки. Потом пересадка на зеленую ветку.

— Я знаю, — тихо ответила Хэспэйсо.

Она знала этот маршрут наизусть. Каждый день в школу, каждый день обратно. Мимо станции «Центральная», где платформы мыли ароматизированной водой и висели экраны с новостями Люцидов. Мимо «Парковой», где останавливались только зеленые поезда для второй касты. До своей — «Южная», последняя на ветке, за которой только пустыри и свалка.

Поезд дернулся и поплыл в темноту тоннеля.

За окном мелькали огни — красные, желтые, зеленые. Иногда проносились встречные составы, и тогда вагон наполнялся грохотом и ветром. Хэспэйсо смотрела в черное стекло и

видела там только свое отражение — бледное, измученное лицо, темные круги под глазами, спутанные волосы. Она не узнавала себя.

Мать узнала бы. Мать всегда говорила: «Ты красивая, Хэспэйсо. Не слушай никого. Ты красивая, потому что ты моя».

Глаза защипало, но она запретила себе плакать. Не здесь. Не сейчас. В вагоне полно чужих людей, а среди людей третьей касты жалость — редкий гость. Здесь каждый сам за себя. Покажешь слабость — сожрут. Не фигурально, а почти буквально — стукнут по голове, отнимут сумку и выкинут на следующей станции, а патрули даже не пошевелятся, потому что каста есть каста, и убийство внутри одной касты никого не волнует, пока не затронуты высшие.

Лисса стояла рядом, плечом к плечу, и это помогало держаться.

На «Центральной» половина вагона вывалилась наружу. Стало легче дышать. Хэспэйсо даже смогла сесть на освободившееся место у двери. Рюкзак она поставила на колени, обхватила руками, словно боялась, что кто-то вырвет.

— Может, уберешь под сиденье? — предложила Лисса, садясь рядом. — Тяжело же держать.

— Нет, — резко ответила Хэспэйсо. Потом смягчилась: — Нет. Я хочу… чувствовать, что она здесь.

Лисса понимающе кивнула и отвернулась к окну.

Поезд тронулся дальше. Мелькнула «Парковая» — зеленая ветка, чистые платформы, люди в хорошей одежде, которые даже не смотрели в сторону желтых вагонов. Потом снова темнота.

Хэспэйсо задремала. Сама не заметила, как веки сомкнулись, голова упала на грудь, руки ослабли. Приснилась мать. Живая. Она стояла на кухне, мешала похлебку деревянной ложкой, и комната пахла тмином. «Всё будет хорошо, маленькая», — сказала она, оборачиваясь. И улыбнулась. Тепло. По-настоящему.

— Хэспэйсо! — Лисса трясла её за плечо. — Просыпайся! Наша следующая!

Хэспэйсо открыла глаза. Не сразу поняла, где находится. Вагон, люди, запах капусты и грязной одежды. Мать исчезла. Остался только сон и пустота в груди.

— Вставай, — Лисса уже поднялась, пробиваясь к дверям. — Сейчас «Южная».

Хэспэйсо встала. Вагон качнуло, она чуть не упала, но удержалась за поручень. Поезд замедлял ход, за окном поплыли огни их станции — тусклые, кое-где перегоревшие, с облупившейся краской на колоннах.

Двери открылись. Они вышли на платформу. Здесь пахло хуже, чем в центре — близость свалки давала о себе знать, особенно по вечерам, когда ветер менял направление. Хэспэйсо глубоко вдохнула этот привычный запах и вдруг поняла, что по-своему скучала по нему. Глупо. Скучать по вони. Но это была их вонь. Вонь дома.

Они прошли турникеты, поднялись по лестнице, мимо вечно сломанного эскалатора, мимо стен, расписанных граффити, которые никто не закрашивал, потому что Люцидам плевать, что рисуют низшие касты у себя в норе.

Вышли на улицу. Небо уже почти почернело, только на западе алела тонкая полоска заката. До комендантского часа оставалось минут десять, не больше. Хэспэйсо уже видела свой дом — серую пятиэтажку в конце улицы, с облупившейся краской и вечно сломанным лифтом. Раньше она ненавидела этот дом. Сейчас он казался единственным местом, где можно спрятаться.

— Ну всё, — выдохнула Лисса с облегчением. — Успели. Сейчас доведу тебя до подъезда и побегу к себе, пока патрули не нагрянули.

— Спасибо, — тихо сказала Хэспэйсо. — Что пошла со мной.

— Глупости, — отмахнулась Лисса. — Подруга называется.

Они пошли по пустынной улице. Фонари горели через один, создавая больше тени, чем света. Где-то лаяла собака. В окнах зажигались огни — люди готовились к комендантскому часу, закрывали ставни, проверяли замки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.